

Д.И.БЕЛКИН

Горьковский институт иностранных языков им. Н.А.Добролюбова
ПОЭТИКА АВТОРСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ В ЦИКЛЕ "ПОДРАЖАНИЯ
КОРАНУ"

Пушкинскому ориентальному циклу "Подражания Корану" посвящено много исследований как дореволюционных, так и советских литературоведов. Однако, восхищаясь "Подражаниями Корану", этим, по образному выражению Белинского, "блестящим алмазом в поэтическом венце Пушкина", исследователи, как правило, почти не уделяли внимания тем немногим прозаическим примечаниям, которые сопровождают девять стихотворений, начиная с их первой публикации в 1826 г.

Роль прозаических примечаний в "Подражаниях Корану" важно выяснить по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, пушкинский цикл завершал собой переход от простого распространения в России сведений и материалов о поэзии арабского Востока к ее воспроизведению средствами родного языка. Во-вторых, проявляемое советской филологией, особенно в последние годы, внимание к диалогической структуре повествования, хотя и опирается в своих наблюдениях и выводах на произведения Пушкина¹ и его современников, русских и зарубежных², во стихотворный цикл "Подражания Корану" продолжает оставаться в стороне³.

Рассмотрение функций авторских примечаний в "Подражаниях Корану" поможет, по нашему убеждению, глубже постичь некоторые особенности пушкинской поэтики середины 20-х гг. и новаторский характер его художественной концепции Востока.

"Подражания Корану" – это не только девять стихотворений, но и пять кратких примечаний в прозе. Их связь сложна, поскольку объединяет внешне несоединимое – стихи и прозу.

Н.Н.Страхов назвал эти примечания "шутливыми". Проницательный истолкователь многих пушкинских строк, он находит в примечаниях лишь "подтверждение того", что русский поэт "превосходно видел" в Коране поэтические достоинства и "в то же время почти готов был народировать" этот памятник⁴. Известна звуковая и сюжетная близость "Подражаний Корану" к шутливым стихам из письма поэта Ф.Ф.Вигелю⁵. И хотя и там, и тут стихи даны в сопровождении прозаического текста, авторская позиция, авторское отношение к написанному в обоих случаях различно.

Если и допустить, что в примечаниях к "Подражаниям Корану"

ну" заключена пародия, как считал Н.Н.Страхов, то она, по нашему мнению, носит чисто внешний характер. Пушкин умно и тонко пародирует здесь не Коран, а традиции "восточных" повестей и эпохи классицизма и своего времени, в которых "темные места" сопровождались многочисленными комментариями авторов¹⁰. В ориентальном цикле Пушкина нет образов или строк, требующих особых пояснений. Вместе с тем функции прозаических примечаний гораздо значительнее, чем это представляется поначалу.

Постараемся разобраться. Уже в первом примечании читатель, казалось, обнаруживает авторскую позицию: "Нечестивые, — пишет Магомет (глава Награды), — думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен". Мнение сих нечестивых (выделено Пушкиным. — Д.Б.), конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний..."(П/1/, 358). Заметим, что цитированное примечание относится не к какой-либо строке, отдельному слову или стихотворению, а к заглавию, т.е. ко всему циклу.

Пять примечаний в прозе несут большую идейную нагрузку. Так, первое выявляет историческую дистанцию между лицом, от имени которого произносятся клятвы, и автором "вольных подражаний". В первое примечание включены считающиеся подлинными слова легендарного пророка об отношении к Корану "нечестивых", а также — реплика об этом мнении (несомненно ироническая и несомненно добрая) русского стихотворца как человека 20-х гг. XIX в., охотно относящего себя к "нечестивым". Реплика в прозе содержит и объяснение читателю цели предпринятого труда: предложить "несколько вольных подражаний".

Признание в прозе, что в знаменитом первоисточнике "многие нравственные истины" изложены "сильным и поэтическим образом", носит характер программы. Избран в начале 20-х гг. Коран как наиболее концентрированное выражение мусульманского Востока объектом поэтического воспроизведения, Пушкин обратил основное внимание не на экзотику, которую именовал "ребячеством" и которая так волновала воображение романтиков, а на специфические особенности мусульманского видения мира,

яркие формы его выражения в знаменитом памятнике арабской культуры. Однако между "подражаниями" и "примечаниями", между стихами и прозой, составляющими структуру единого произведения, возникает диалог. Его ведет – и это будет прослежено – с приверженцем Корана не поэт, творец "подражаний", а читатель, личность европейски просвещенная, которому – в отличие от поэта – еще предстоит признать, что в знаменитом памятнике Востока "многие нравственные истины" переданы "сильным и поэтическим образом" (П. 358).

В пяти прозаических примечаниях отчетливо различим голос автора "вольных подражаний". Он и в нейтральной информации, что "в подлиннике (т.е. Коране. – Д.Б.) Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице" (П/1/, 358). Конечно, при желании и здесь можно увидеть намек на личную незначительность легендарного пророка, о котором если и упоминают, то только во втором или третьем лице. Намек этот весьма возможен, поскольку примечания составлял человек, иронически относившийся к религиозной стороне всех "священных книг".

Итак, в рамках одного произведения был воссоздан диалог, который обусловили два исторически не совпадающих мировосприятия. Внешне это несовпадение представлено, как отмечалось, объединением стихов и нескольких строк прозы под одним заглавием. По существу же, Пушкин создавал "Подражания Корану" как идейное многоголосие, как соприкосновение в середине 20-х гг. XIX в. двух культур, отделенных друг от друга большим временным отрезком. Уже первое примечание, как сказано выше, обнажало идейную остроту диалога и его своеобразие. Речь персонажей не была обращена друг к другу. Именно подобное построение цикла подтверждало причастность каждого из девяти подражаний к миру мусульманской поэзии.

Напомню, что национальную индивидуальность и своеобразие знаменитого памятника арабского Востока Пушкин передавал для русского читателя на разных уровнях. Так, к примеру, мир ислама в "Подражания Корану" входит на уровне лексики, т.е. поэт включил в стихи слова арабского происхождения, как-то: Коран, Магомет, Алла, Мекка. Сюжет, заимствованный из Корана, создает основу 1У подражания –

о состязании царя Нимврода с богом. Темы, взятые из Корана, сделались источниками I, П, У1 и УШ подражаний. Наконец, читатель встречается в цикле с более высоким уровнем постижения чужой культуры – импровизацией. Примером тому является IX подражание: "И путник усталый на бога роптал" (П, 354).

Диалогические отношения в ориентальном цикле Пушкина возникают между картинами восприятия мира Магометом и краткими, но очень содержательными репликами об этом восприятии европейски просвещенной личности. Идейная направленность примечаний – в их несогласии с древней моралью Корана, однако сам спор Пушкин выносит за пределы девяти стихотворений. По-настоящему он разворачивается в момент знакомства читателя с примечаниями, с прозой, содержащей исторически иную точку зрения на тот же предмет или явление. Читатель, сначала свидетель диалога, оказывается затем его активным участником. Правда, здесь нельзя не согласиться с наблюдением Ю.М.Лотмана, что обыкновенное читательское восприятие не учитывает прозаического окружения, воспринимая в качестве "текста" лишь стихотворную часть: "Однако сам автор, видимо, рассчитывал на соотношение в читательском сознании этих двух частей публикуемого им текста". Диалогизм, обусловленный не столько формальным признаком – противоположностью стихов прозе, сколько несопадением мирозерцания участников диалога, оттеняет объективность "Подражаний".

Контрастное сопоставление двух мировоззрений в рамках одного произведения говорило об утверждении историзма в стихах Пушкина о Востоке. Примечания помогали читателю увидеть и постичь во многом одностороннюю эмоциональность каждого из стихотворений, близкое соответствие их характеру чувственности древнего араба.

Пушкин воссоздавал мироощущение мусульманина, т.е. чужую для себя культуру, опираясь на образцы восточной словесности. В девяти стихотворениях цикла "все явления, каждая деталь проникнута могучей энергией оценки, энергией притягивания или отрицания".

Многоголосье в "Подражаниях Корану" воссоздается очень ненавязчиво. Диалог, как указывалось, вынесен за пределы девяти стихотворений. Убедительности диалога содействует

и такая особенность примечаний: их информация не совпадает со стиховой. Она иная не только по форме (стихи и проза), но и по содержанию. Любопытно, что текст четырех из пяти примечаний заимствован тоже из Корана, как и содержание стихов. Текст этот лишь частично дополнен репликами лица, связанного с исторически иным временем.

Сказанное нетрудно обнаружить на примере примечаний к П и У "подражанию".

А. вы, о гости Магомета,	Не любит он велевечивых
Стекаясь к вечери его,	И слов нескромных и пустых:
Брегитесь суетами света	Почтите мир его смиреньем,
Смутить пророка моего.	И целомудренным склоненьем
В паренье дум благочестивых,	Его невольниц молодых (П/1/, 353).

В примечании Пушкин использует строки Корана: "Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться" и проч." (П/1/, 358).

Черновой вариант П подражания ("О, жены чистые пророка...") содержит набросок в стихах: "Пророк мой вам того не скажет, (он вежлив, скромен)" (П/2/, 886). Однако Пушкин перенес прозаический эквивалент в примечание. На факт переноса обратил внимание Б.В.Томашевский. Он предположил, что Пушкин отказался от стихотворной обработки этих строк. Не отвергая предположения Б.В.Томашевского, придерживаемся мнения, что перенос цитированной фразы в примечание удачно подчеркивал дух Корана в большем по размеру стихотворении. Текст этот передавал ироническое отношение автора "Подражаний", человека иной эпохи, к смыслу стихотворения, его содержанию. На этом, кстати, настаивал еще в начале нынешнего века Н.О.Лернер. Он писал, что во П "Подражании" Пушкин тонко иронизировал над Магометом как законодателем семейного быта. Образ пророка, оберегающего своих "чистых жен", здесь явно снижен:

Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица (П/1/, 352).

Настроение автора "Подражаний", его улыбка, вызванная требованиями пророка к женам быть "верными", передается и читателю, но весьма своеобразно — не столько текстом стихотворения, сколько прозаической репликой примечания: "Ревность араба так и дышит в сих заповедях" (П/1/, 358).

В одном из последних во времени исследований о творчес-

кой эволюции поэзии Пушкина про стихотворение "О, жены чистые пророка..." говорится, что "тонкую насмешку над Магометом" внесли "европейские авторы": она "не работает в образной системе стихотворения Пушкина", поэт якобы "не замечает" двусмысленности поведения Магомета¹¹. По отношению ко П "подражанию" с этими наблюдениями трудно согласиться. Свой вывод автор строит на содержании 33 суры Корана ("Сонмы"¹²), аяты которой в переводе М.И.Веревкина были использованы русским поэтом при создании стихотворения "О, жены чистые пророка...". Действительно, в этой главе Корана нет иронии, но вспомним содержание П "подражания". Вначале пророк сравнивает своих "чистых" жен, обязанных хранить "верные сердца для нег законных и стыдливых", с "безбрачной девой". Затем образ "чистых" жен стремительно снижается. В этом же стихотворении Магомет строго запрещает им показываться даже гостям-единоверцам, причем он именует своих жен "невольницами молодыми". Наконец, ирония по отношению к пророку усиливается в сознании читателя репликой из примечания о "ревности араба". Отрыв стихотворения от принадлежащего ему прозаического примечания неизбежно ведет к искажению восприятия каждого, можно сказать, из "вольных подражаний".

Русский поэт раскрывал перед читателем мусульманский мир, его поэзию, опираясь на одно из самых значительных произведений. Шутливые реплики Пушкина о труде "во славу Корана" (XIII, 119) прикрывали его серьезное стремление включить в национальную литературу переводы и переложения ориентальных авторов. При всем том в "Подражаниях Корану" нет художественной идеализации далекого прошлого. Наличие авторских примечаний исключает подобное отношение. Пушкин сохранил и передал в "Подражаниях" как этическую, так и эстетическую дистанцию между эпохой Магомета и своим временем. Мало того, поэзия и проза в его ориентальном цикле весьма ошутимо противопоставлены друг другу как эстетические категории, причем будничное, низкое представлено примечаниями¹³.

Диалог с далеким прошлым чужеземного народа в "Подражаниях Корану" привлекает своей многотемностью. Рассмотрим, к примеру, однострочное примечание к первому четверо-

стихию У "подражания":

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой (П/1/, 354).

Читателю предлагается неожиданный вывод: "Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!" (П/1/, 358). За мнением о "плохой физике" легко угадывается европейски образованный человек, что не мешает ему с уважением относиться к памятнику иноземной культуры. Вместе с тем сам текст примечания, его информационное сообщение внешне не связано с содержанием цитированного четверостишия. Перед нами диалог, где голоса вступивших, можно сказать, в исторический спор обращены вовсе не друг к другу.

Стремясь к объективности содержания девяти "подражаний", их полной адекватности Корану, Пушкин удалил из стихов авторское, субъективное, однако он не уподоблялся "тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова" (Х1, 52). Пушкин воссоздавал мироощущение мусульманина, его идеалы, опираясь на образцы восточной литературы. Диалог, повторяем, возникает из соотнесения русским поэтом чужого текста, составившего объективную основу "Подражаний Корану"¹⁴, и мыслей, высказанных европейски просвещенной личностью в процессе знакомства ее с Кораном. Однако эти мысли, изложенные прозой, в случае отделения их от стихотворений цикла тут же утрачивают идейную глубину и эстетическую привлекательность.

Итак, девять стихотворений и пять примечаний к ним в прозе составляют, несмотря на внешнее различие, неделимое целое. Поэтика пушкинских "Подражаний Корану" не ограничивается диалогом. Подключение к циклу читательского восприятия способно создать подлинное многоголосие. Пушкинское искусство, как в бинокль, приблизило далекую эпоху, позволив многое разглядеть в ней. Образно говоря, поэт видел "любую частицу прошлого и современности с высот, достигнутых человечеством"¹⁵. Тенденция изображения в стихах не вообще Востока, а отдельных его регионов средствами национальной словесности, успешно продемонстрированная в "Подражаниях Корану", говорила о значительных потенциальных возможностях отечественной литературы, выявленных Пушкиным.

Пушкинские примечания к циклу "Подражания Корану" полемичны. Но вряд ли правомерно эту их особенность истолковывать так расширительно, как предлагает М.Л.Нольман. Он пишет, что "без особого риска можно заключить, что "Подражания Корану" Пушкина были в какой-то мере полемическим ответом на "Западно-восточный диван" Гете". Развивая эту мысль, исследователь отмечает: "Возникает вопрос, не отозвались ли и пространные гетевские примечания к "Дивану" в кратких пушкинских "Примечаниях" к "Подражаниям Корану"?"¹⁶ В данном случае более обоснованным представляется мнение В.М.Жирмунского, что "ни одна черта" в поэтическом облике Пушкина "не была подсказана влиянием" Гете¹⁷

Выше говорилось, что примечания как обязательную принадлежность "восточных" повестей поэт встречал повсеместно в отечественных журналах. Изображая Восток, Пушкин как художник-реалист полемизировал скорее всего с Томасом Муром, а не с Гете. Если о "Западно-восточном диване" немецкого классика у Пушкина нет ни единого упоминания, то об авторе "Лалла-Рук", "чопорном подражателе безобразному восточному воображенцу" (XIII, 34), замечания встречаются на протяжении, пожалуй, всего творческого пути русского поэта. И если пользоваться эпитетом "пространные", то он опять-таки более подходит к многочисленным примечаниям "Лалла-Рук" Томаса Мура.

Наличие примечаний поэт и его современники воспринимали не только как важную особенность исторических трудов. Далеко не всегда представлялись они Пушкину бесполезными¹⁸. Много места, например, занимали примечания в "Восточных повестях" Байрона. Английский поэт стремился с их помощью дать объяснения субъективным поступкам своих разочарованных героев¹⁹. Пушкин хорошо знал и ориентальные поэмы Байрона, и исторические труды Гиббона и Вольтера, богатые разнообразными примечаниями, однако он предложил свой, новый по существу принцип комментирования прозой стихотворной информации. В ориентальных же произведениях Гете и Мура (к сожалению, в рамках нашей статьи нет возможности 'показать это подробно) авторское комментирование было иным.

Там свой стихотворный текст пояснялся выписками из чужих произведений, т.е. раскрывалась его предыстория, мотивы воз-

никновения и т.п. Авторы не ставили перед собой задачу всесторонней оценки включенного ими ориентального текста²⁰. Предпосылки для диалога не реализовывались, хотя Гете часто давал свое прочтение ориентального источника.

Пушкинские примечания к "Подражаниям Корану" не походили ни на примечания, близкие к научным, из гетевского "Западно-восточного дивана", ни на примечания к романтическим поэмам, в изобилии содержащиеся в "Лалла-Рук" Мура. Правда, Пушкин не сразу подошел к построению примечаний, воссоздающих диалог. Романтическая манера примечаний, как проследил Ю.М.Лотман, присуща была южным поэмам Пушкина. Несомненно, примечания к "Подражаниям Корану" содержали результаты предшествующего опыта. Поэт придавал характеру примечаний большое значение. Когда в первом издании цикла в одно из примечаний, адресованное Ш "подражанию",²¹ вкралась неточность, Пушкин поспешил исключить примечание.

Объективное отражение нравов и культуры арабо-мусульманского Востока оставалось для Пушкина главным в "Подражаниях Корану". Этому замыслу и служили его прозаические примечания. Они усиливали активность читательского восприятия, помогая ему подняться до пушкинского осмысления знаменитого памятника восточной культуры.

Художественная система изображения арабо-мусульманского Востока, продемонстрированная Пушкиным в "Подражаниях Корану", была новой для русской литературы. Она раскрывала перед современниками ориентальный мир, можно сказать, во всей его полноте. Девять стихотворений, разных по своему размеру и количеству строф, сделали для русского читателя доступной поэтическую сторону Корана. Пушкинский цикл вызвал среди современников множество откликов, желание испробовать свои силы в стихотворной передаче текстов Корана. Знакомство с этими произведениями показывает не только влияние Пушкина, но и те художественные препятствия, которые для большинства стихотворцев пушкинской поры показались непреодолимыми.

Первым здесь может быть назван А.Г.Ротчев (1806-1873), издавший в 1828 г. сборник "Подражания Корану", содержащий 12 стихотворений²². Одно из них, "Подражание арабскому", было опубликовано в "Северных цветах на 1827 г.", затем вошло в названный сборник:

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгом искр его копыт:
Что голос Бога справедливый
Над миром скоро прогремит,
Клянусь вечернею зарею
И утра блеском золотым:
Он семь небес своей рукою
Одно воздвигнул над другим!
Не он ли яркими огнями
Зажег свой беспредельный свод?

И он же легкими крылами
Парящих птиц хранит полет!
Сверкают гордо небеса:
Над озаренною землею
Не Бога ли блестит краса?
Без веры в Бога – мимо, мимо
Промчится радость бытия!
Пошлет ли Он огонь без дыма
И дым пошлет ли без огня?²³

Несомненно, А.Г.Ротчев учел и использовал образные особенности Корана, характеристика которых содержалась в пушкинских примечаниях к знаменитому циклу: "В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мехки... Сгнанный сей риторический оборот встречается в Коране помянуто" (П/1/ 358; подчеркнуто мною. – Д.Б.). Резонно предположить, что Пушкин потому и не использовал клятву "копытами кобылиц", что она встречается "помянуто", а вынес информацию об этом в примечание. Четыре начальных строки из его 1 "подражания", от крывающиеся глаголом "клянусь",* вместе с замечанием о странности клятвы задают ориентальный тон всему циклу. Здесь стихи и проза не противостоят, а дополняют друг друга, создают атмосферу национального колорита памятника.

Приведенное же стихотворение А.Г.Ротчева является лучшим в его цикле. Однако нельзя не видеть, что автора более влекут в Коране религиозные мотивы. Ротчевский цикл отличается искренней религиозностью, чего нельзя сказать о пушкинском. Автор "Гавриилиады" относился иронически к религиозной стороне "священных книг" и христиан, и мусульман. Д.Д.Благой верно подметил, что пушкинское примечание о наличии в Коране "многих нравственных истин" звучало, кстати, явным вызовом господству вагшим представлениям официальной религии о совершенной порочности всего учения Магомета²⁴.

Если ознакомиться с другими стихотворениями ротчевского цикла, то нетрудно увидеть еще одно отличие от пушкинских "Подражаний Корану". Так, 1X подражание А.Г.Ротчева, начинающееся четверостишием

* Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянуся вечернею молитвой (П/1/, 352).

Когда, по власти Богом данной,
На Фараона Моисей
Стал возникать грозой неожиданной,
Узрел он битву двух мужей,

передавало переживание не Магомета, не его поклонников,
а "какой-то ужас" Моисея²⁵.

X подражание, открывающееся строками
Творец! Народ твой позабыл
Закон, ниспосланный Тобою,
Но Авраам своей рукою
Недвижных идолов разбил,

переносило читателя в библейскую, а не арабо-мусульманскую древность²⁶. Подобные мотивы в ориентальном цикле А.Г.Ротчева относительно часты²⁷. Полагать, что поэт слабо осознавал различие между библейским Востоком и арабо-мусульманским, вряд ли уместно. С другой стороны, из всех упоминаемых в Коране библейских героев древний хебронский патриарх Авраам выделен как отец Исмаила, традиционного родоначальника арабов. Известно, что в последних главах Корана Магомет уделяет заметное внимание борьбе библейского патриарха с идолопоклонством²⁸, проводя параллель с своей пророческой деятельностью.

Таким образом, в ротчевском цикле мотивы, имеющие истоки в Коране, были знакомы и известны поэту по другому памятнику. Эти особенности сборника — религиозность и причастность к библейскому Востоку — рецензенты отмечали еще в прошлом веке: в ротчевских "Подражаниях Корану" видное место занимают "высокие мысли о всемогуществе, благодати и правосудии Бога", стихотворения "заключают в себе сказания о праотцах народа Божия, почерпнутые Магометом из Библии и примененные им к своему закону"²⁹. Несомненно, А.Г.Ротчева привлекли в Коране библейские мотивы еще и потому, что они давно уже были поэтически осмыслены русскими стихотворцами. Их мировосприятие оказалось доступнее, чем малознакомые образы Корана.

В том же 1828 г. стихотворец П.Манасеин создает поэму "Ад и рай Магометов". В ней также широко использованы пушкинские художественные открытия, предложенные им формы стихотворной подачи арабо-мусульманского восприятия мира:

Клянусь молний полной тучей, Луной, плывущей в небесах, И вихрем, к небу вьющим прах, И громом, и звездой падучей: Настанет непреложный суд! И семь небес, как с гор ручей, Падут, сольются в свод единый... Дым пламенный и душный смрад Вселенной изойдут из зева;	Объяты друга кинет дева И брата не познает брат; И мать побежит смятенно И в сиротстве покинет чад. Тогда содрогнется вселенна Раздастся первый трубный глас: Живое все под небесами Падет безжизненно...
--	--

Хотя автор и попытался по-своему изобразить картину страшного суда, но его выбор художественных образов весьма напоминает пушкинский. Если даже допустить, что А. Ротчев и П. Манасени пытались постичь и передать национальную окраску ориентального памятника, то необходимо будет признать, что они не смогли чем-то существенным дополнить пушкинские "Подражания Корану". Даже лучшие образы стихов на мотивы Корана представляли собой повторение пушкинских открытий и увиденных им поэтических образов. Подтверждением сказанному может служить и стихотворение Л. Якубовича, опубликованное в июньском номере московского журнала "Атены" в 1829 г. под названием "Из Ал-Корана, глава XC1":

Клянусь солнцем и луною Клянусь ношью и днем, Клянусь небом и землею, Клянусь ослицей и конем; Клянусь тем, кто нам от века Способность умственную дал Кто создал все — и человека Для наслаждения создал: Что будет тот блажен на веки, Кто правду здесь всегда любил, Хранил закон, молился в Мекке И жизни в битвах не шадил.	Талмуд — колено почитало Лжецом Пророка своего — И где ж Талмуд — колено? Пало... Бог истребил до одного, За то, что злобный нечестивец Кедар Пророку не внимал, За то, что Вышнего любил, Верблюд от рук убийцы пал.
---	---

Стихотворение Л. Якубовича, нуждающееся в примечаниях и пояснениях не только сегодня, но и в момент публикации, было лишено их. Отсутствие примечаний, по замыслу автора, должно было подчеркнуть близость его стихов к арабскому подлиннику. Упоминания о Кедаре, об убийце верблюда содержали элемент недосказанности, милую поэтам-романтикам восточную экзотику. Л. Якубович больше имитировал мусульманский Восток, чем помогал читателю узнать незнакомый ему мир. Характерно, что и другие из цитированных поэтов, вос-

торгавшихся Кораном под впечатлением пушкинских "Подражаний", не воспользовались его опытом корректировки восприятия ориентальных особенностей текста примечаниями.

В науке уже отмечалось, что пушкинские "Подражания Корану" "резко выделялись из цикла восточных стилизаций двадцатых годов"³². Их отличала и свобода эстетической оценки поэзии Корана, и широта взгляда автора, непринужденно излагавшего как воззрения легендарного пророка, так и европейски просвещенной личности, и совершенство художественной формы, сочетавшейся в "Подражаниях" с идейным многоголосием. Повторить победы Пушкина, постичь черты реализма в изображении ориентального мира оказалось не под силу современникам. Своими ориентальными стихами Пушкин вновь убеждал русских читателей и поэтов, что знаменитые памятники духовной жизни каждого народа, даже если они не разделяют догматов христианства, можно и должно рассматривать как произведения самобытной поэтической литературы.

Обращения большого художника одного народа к памятникам национальной культуры другого составляют эпоху не только в рамках отечественной словесности. И здесь нельзя не привести мнение И.С.Брагинского, полагающего, что Пушкин "обращается к Корану, воспринимая его так же, как и Гете, философски-поэтически"³³. Однако эта аналогия должна быть несколько уточнена. Писателей сближает не так незываемый реализм Просвещения, а интерес к Востоку (у Гете выходящий за рамки веймарского классицизма)³⁴.

"Подражания Корану", запечатлевшие искренний интерес Пушкина к поэзии и истории арабского Востока, отличаются удивительно близостью к тексту подлинника. За девятью стихотворениями и пятью примечаниями в прозе, объединенными не столько общим заголовком, сколько внутренней структурой, поэтикой диалога, придающего равноправие каждой из частей цикла, выступал автор, четко осознававший себя личностью XIX в., обладавший историзмом художественного мышления и гениальным эстетическим чутьем.

Воссоздание исторически разных мировосприятий в рамках цикла или отдельного стихотворения составляло одну из главных особенностей поэтики всех следующих произведений Пушкина на ориентальные темы (см., например, "Калмычке",

"Из Гафиза"). Поэт добивался реалистического показа индивидуальных особенностей каждого восточного региона, не отказываясь ни от собственной позиции, ни от идей своего времени. Именно эти художественные открытия формировали пушкинскую концепцию Востока, заслуживающую самостоятельного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лотман Ю.М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина: Проблема авторских примечаний к тексту // Пушкин и его современники. Псков, 1970 (Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т. Т. 434).
- 2 Сидорченко Л.В. Комментарии Байрона к "Восточным повестям" // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1970. Вып. 3, № 14.
- 3 Исключение составляет статья Н.Я. Соловья "Особенности использования мотивов Корана в "Подражаниях Корану" Пушкина (см.: Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. С. 125-143).
- 4 Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине // Складчина. Спб., 1874. С.48.
- 5 Ходасевич Владислав. Поэтическое хозяйство Пушкина // Беседа. Берлин, 1923. Кн. 2. С.170,171.
- 6 Мильчина В. Поэтика примечаний // Вопросы литературы. 1978. №11. С. 229-247.
- 7 Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 103.
- 8 Мейлах Б. Вопросы литературы и эстетики. Л., 1958. С.229.
- 9 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1950. Т.2. С. 426.
- 10 См. примечания Н.О.Лернера к 3 т. сочинений Пушкина под ред. С.А.Венгерова (Спб., 1909. С. 541).
- 11 Фомичев С.А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 124.
- 12 Коран. 2-е изд./Пер. с арабского и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1986. С. 343-350.
- 13 Весьма обстоятельно проблема эстетических границ поэзии и прозы рассмотрена на примере творчества В.А.Жуковского и литераторов 20-30-х гг. А.С.Янушкевичем в монографии "Этапы и проблемы творческой эволюции В.А.Жуковского" (Томск, 1985. С. 197 и след.).

14 По подсчету ученого-арабиста К.С.Кашталева пушкинский текст "Подражаний Корану" на 1/4 представляет собой буквальную передачу текста Корана в переводе М.И.Вережкина (см.: Кашталева К.С. "Подражания Корану" Пушкина и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов. Л., 1930. Т.5. С. 256).

Русист из Ирака Сафа Махмуд Альван в диссертации "А.С. Пушкин и арабский Восток", защищенной в Воронежском госуниверситете в 1985 г., на многочисленных примерах и фактах показал, что великий русский поэт хорошо знал Коран "как в целом, так и в деталях", что Пушкин "с его высокой чувствительностью иногда улавливал какой-то намек в Коране, дорисовывал и передавал его сильным и поэтическим образом" (см.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985. С. 13,14).

15 Нусинов И. Пушкин и мировая литература. М., 1941. С.24.

16 Нольман М.Л. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа // Народы Азии и Африки. М., 1967. № 4. С. 120. В этой работе дан содержательный анализ субъективных истолкований ориентального цикла Пушкина рядом исследователей его творчества; установлена также часть элементов западно-восточного синтеза некоторых лирических стихов поэта.

17 Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 105.

18 Мильчина В. Указ. соч. С. 237.

19 Сидорченко Л.В. Указ. соч. С. 108.

20 Кессель Л.М. Гете и "Западно-восточный диван". М., 1973. С. 47 и след.

21 Подробно об этом см.: Томашевский Б.В. "Подражания Корану" Пушкин: Книга вторая: Материалы к монографии (1824-1837). М.; Л., 1961. С. 36.

22 "Подражания Корану" А.Ротчева. М., 1828 (экземпляр этой книги хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде).

23 Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. С.333-334. Автором этих стихов значится Тютчев (sic! - Д.Б.). Хотя такая опечатка очень заманчива, однако надо признать, что это не больше, чем опечатка.

- 24 Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813-1826). М.; Л., 1950. С. 385.
- 25 Ротчев А.Г. Указ соч. С. 20.
- 26 Там же. С. 23.
- 27 С.А.Фомичев (вслед за Б.В.Томашевским) проследил, как Пушкин в начале работы над "Подражаниями Корану" также интересовался местами этого памятника, соприкасавшимися с Библией (см.: Фомичев С.А. Указ. соч. С. 119).
- 28 Подробно об этом см.: Фильштинский И.М., Шидфар Б.Я. Очерк арабо-мусульманской культуры (УП-ХП вв.). М., 1971. С. 30 и след.
- 29 Сын отечества. Спб., 1828. Ч. 118. С. 334. В современном литературоведении анализ ротчевского цикла содержится в монографии П.И.Тартаковского "Русская советская поэзия 20-х - начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока" (Ташкент, 1977. С. 14).
- 30 Царское Село на 1830 год. Спб., 1829. С. 204-205.
- 31 Атений. М., 1829. Ч. 2. С. 561.
- 33 Брагинский И.С. Проблемы востоковедения: Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974. С. 319.
- 34 В работе Вяч. Вс. Иванова "Темы и стили Востока в поэзии Запада" дано сопоставление ориентальной поэзии Пушкина и Гете, но не в плане влияния, а в плане генеральной способности каждого из них "выйти за рамки ограничений места и времени" и "быть как дома вместе со своими читателями" "в разных культурах" "и в каждой эпохе" (см.: Восточные мотивы: Стихотворения и поэмы. М., 1985. С. 462).

Л.А.СТЕПАНОВ

Кубанский госуниверситет

ОПЕРА МОЦАРТА "ДОН ЖУАН" И ТРАГЕДИЯ ПУШКИНА
"КАМЕННЫЙ ГОСТЬ"

Заметки эти не претендуют на исчерпывающую полноту трактовки всех аспектов пушкинской рецепции словесно-музыкальной образной системы оперы Моцарта. Они содержат наблюдения, объединенные определенным аспектом иссле-

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР
Калининский государственный университет

ПУШКИН: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ,
ТЕКСТОЛОГИИ , ВОСПРИЯТИЯ

Сборник научных трудов

Калинин 1989